

Научная статья
УДК 82-2
doi: 10.17223/15617793/479/4

Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В.А. Жуковскому 1802–1804 гг.)

Светлана Вениаминовна Березкина¹

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, s.berezkina@mail.ru

Аннотация. На материале неопубликованных писем к В.А. Жуковскому проанализированы театральные замыслы Д.Н. Блудова. Выявлено критичное отношение молодого автора к сентиментализму, задевавшее Н.К. Карамзина как главу литературного направления и обнаруживающее созвучность его настроений декларациям членов московского Дружеского литературного общества. Показаны сатирические преломления книги В.В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» в комедиях «Чувствительный» Д.Н. Блудова и «Новый Стерн» А.А. Шаховского.

Ключевые слова: Д.Н. Блудов, В.А. Жуковский, переписка, русский сентиментализм, литературная полемика с сентиментализмом

Для цитирования: Березкина С.В. Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В.А. Жуковскому 1802–1804 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 41–49. doi: 10.17223/15617793/479/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/4

Theatrical plans of young Dmitry Bludov (based on unpublished letters of 1802–1804 to Vasily Zhukovsky)

Svetlana V. Berezkina¹

¹ Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation, s.berezkina@mail.ru

Abstract. The article examines the early stage of Bludov’s correspondence with Zhukovsky, which lasted for several decades of their lives. Unpublished letters of 1801–1804 make it possible to clarify many of the unknown facts of their biographies. One of the most interesting topics of this correspondence is connected with Bludov’s plans dedicated to the theater. At the age of seventeen, Bludov turned to composing comedies under the influence of his cousin V.A. Ozerov, who became famous in 1804 after staging his first tragedy. Among those who supported Bludov was an experienced actor and playwright I.A. Dmitrevsky. By 1803, Bludov had written two plays, one of which (*Midnight*) did not survive. The letters demonstrate his fascination with another dramatic idea: this is a comedy *The Sensitive* – he dedicated one of his letters to Zhukovsky to its detailed description. The article publishes Bludov’s letters related to this comedy. Bludov was inspired by an anti-Sentimentalist plan directed against a new literary trend. In his letter to Zhukovsky, he expressed great respect for Karamzin as a converter of literary language, intending even to dedicate *The Sensitive* to him. However, the comedy inevitably touched Karamzin, of which Zhukovsky disapproved. *The Sensitive* has a number of creative moments that bring Bludov’s comedy close to A.A. Shakhovskoy’s *The New Sterne*, staged in 1805. Shakhovskoy, like Bludov, did not touch Karamzin in his comedy, preferring to employ expressions and images of epigones of Sentimentalism, but it was a strong satirical attack against the entire Karamzin movement and its ideas. *The Sensitive* and *The New Sterne* attacked the same sentimentalist writer, V.V. Izmailov, with his book *A Journey to Midday Russia*. Bludov was inspired to create *The Sensitive* by the first edition of Izmailov’s book in 1802, while Shakhovskoy by the second edition in 1805. In both comedies, the plot was connected with the love story of the antagonist, who was a ridiculous loser in *The New Sterne* and a successful representative of secular society in *The Sensitive*. Bludov’s plan cannot be understood without taking into account the attitude to Karamzin of the members of the Friendly Literary Society that met in Moscow in 1801. Bludov was not a member of it, but was well acquainted with all its members. Bludov shared the opposition to the “empty Karamzinism” (A.S. Kaysarov) trend in Russian literature. Bludov asks ironic questions about Karamzin in his letters up to the end of 1804, when Zhukovsky introduced him to the writer. Karamzin made an indelible impression on Bludov. Letters to Zhukovsky allow us to date this meeting, previously mistakenly attributed to 1805, to November 1804. Bludov could not help but appreciate the determination with which Zhukovsky refused to support the plan of *The Sensitive*.

Keywords: Dmitry Bludov, Vasily Zhukovsky, correspondence, Russian sentimentalism, literary polemics with sentimentalism

For citation: Berezkina, S.V. (2022) Theatrical plans of young Dmitry Bludov (based on unpublished letters of 1802–1804 to Vasily Zhukovsky). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 41–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/4

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) в последние тридцать лет стал героем или же значимым персонажем многих научных работ, в том числе диссертационных, связанных с его разнообразной служебной деятельностью и широчайшим спектром тех исторических процессов и событий, к которым он был причастен [см.: 1; 2. С. 108–156; 3; 4]. Для историков литературы фигура Блудова интересна, в первую очередь, как члена общества «Арзамас» (1815–1818), нареченного в нем Кассандрой (по одноименной балладе В.А. Жуковского) [5; 6. С. 348–365, 479–486, 737–741 и др.]. В «послеарзамасские» годы творческие занятия Блудова ограничивались историческими работами, связанными как с изданием в 1828 г. посмертного тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, так и статьями по материалам Государственного архива, опубликованными после его смерти [7]. Большой интерес для историков литературы имеют его работы, писавшиеся по заданию правительства и вызванные такими важными историческими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.

Между тем в начале 1800-х гг. молодой Блудов был полон литературных планов, о которых донныне известно весьма немного. По его позднему признанию, «область творческого ума» была для него «землей обетованной», в «пределы» которой он так и не решился войти [8. С. 254]. Судя по переписке, особую роль в своем творческом развитии молодой Блудов отводил Жуковскому. Эта сторона личности Блудова раскрывается в его неопубликованных ранних письмах к поэту, содержащих ценнейшие, порой просто уникальные, поскольку они единичны, сведения о жизни их автора [9]. Именно Жуковскому Блудов охотно писал о своих «литературных мечтаниях», как, например, в письме от 15 августа 1802 г., перед отъездом из Москвы в Петербург, вызванным перемещением по службе в Коллегии иностранных дел: «...я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов» [9. Л. 4 об.].

Е.П. Ковалевский, первый биограф Блудова, писал о его увлеченности театром в молодые годы как о своего рода страсти [8. С. 10]. Письма Блудова к Жуковскому первой половины 1800-х гг. дают этому многочисленные подтверждения, поскольку насыщены упоминаниями и о свежих театральных впечатлениях, и о замыслах произведений для театра. То, что семнадцатилетний Блудов принялся за сочинение пьес, произошло под влиянием его двоюродного брата В.А. Озерова (1769–1816), обратившегося в 1802 г. к работе над своей первой трагедией «Эдип в Афинах», благодаря которой вскоре – после постановки ее в 1804 г. – снискал славу первого русского драматурга.

Из писем Блудова к Жуковскому начала 1803 г. становится известно, что у него к этому времени была

и уже готовая для театра пьеса под названием «Полночь» (обнаружить ее не удалось), и подробный план новой комедии в трех действиях, вдохновленный антисентименталистским замыслом [10]. Этот автограф уже привлекал внимание исследователей: во-первых, К.Ю. Рогова [11. С. 91–92], а во-вторых, М.Л. Майофис, опубликовавшей его текст в приложении к диссертации [12. С. 289–294], а затем включившей отрывок из него в свою книгу об «Арзамасе» [6. С. 356–359]. Ею был дан вдумчивый анализ текста, но, как оказалось, с существенными просчетами, поскольку письма Блудова свидетельствуют и об ином времени его написания (работа над комедией относится к 1805–1808 гг.), и об иных источниках реализации замысла.

О своих комедиях Блудов писал Жуковскому в письме от 22 января 1803 г. из Петербурга: «Твои письма доставляют мне великое – я скажу – счастье; но они слишком коротки и только *взманивают*. Пиши побольше и чаще, не сердись, если они будут иногда оставаться без ответа, ибо мне гораздо больше пользы от твоих писем, нежели тебе от моих: для того что тебе нет никакой, а я получаю письма *Великого* человека, кажется, сам становлюсь умнее. Будь уверен, однако ж, что я преодолею лень свою и стану писать, может быть, так часто, что наскучу тебе. Твое письмо от 15-го сентября (1802 г., не сохранилось – С.Б.), в котором ты – может быть, в шутку – велишь мне воспламениться и писать пьесы, обрадовало меня как ребенка. Но как бы ни было, я скажу тебе, что, несмотря на лень и на ужасный холод моих покоев, у меня в голове вертится много планов, *au risque d'être raillé j'ai toujours des démanagements de devenir auteur*¹. Признаюсь, однако ж, что еще никогда я не сомневался столь мало в своих силах и не был столь мало доволен собою. Это чувство вместе с ленью мешает мне сделать что-нибудь. Я показывал свою комедию “Полночь”, которая, однако ж, совсем не занимает меня, многим здешним. Ее хвалят, но мой несчастный характер заставляет меня думать, что все лгут. Озеров, который, хотя дурной автор, но понимает в комедиях², *me presse de la faire jouer*³ и заставил прочитать Дмитриевскому⁴, который *me pressant aussi*⁵, говорил несколько раз, что я должен писать для театра и не ленясь, хотя из жалости к тому, что у нас нет ни одного театрального даже изрядного автора; но он, конечно, говорил также из жалости к молодому автору. Я могу положиться на одного любезного Жуковского, который, кажется, еще не обманывал меня; для того написать что-нибудь, а прежде всего доставлю тебе, *au risque de vous ennuyer*⁶, и прошу тебя, ради Бога, не пропускай моих пороков и не допусти мне сделаться скупым писателем, или скучным, что всё равно. Скажи мне на будущей почте, отдавать ли мне “Полночь” на театр, и рассмотри план “Комедии чувствительного” (*неисправленный*), я напи-

сал два действия плану, а третий (план, т.е. план третьего действия. – С.Б.) не пишу от лени, хотя уже сделал давно. Рахманов⁷ <перешлет> тебе как-нибудь третье действие. Я не утерпел прочесть его кое-кому, он нравится, но я не верю. Если он годится, то отошли мне его (у меня нет копии), если же нет, то сожги в своей печке и скажи только, что он не годен; с душевною скорбью (*отца*) я перестану об нем думать. Но мне кажется, если я не ошибаюсь очень грубым образом, что это не случится; не думай, чтоб в число глупых чувствительных я включал Карамзина; нет, я имею довольно ума, чтоб сердечно уважать его и его сочинения. Даже если б моя пьеса *сделалась* хороша, то я намерен, *pour éviter toute application*⁸, посвятить ее ему. В самой пьесе я буду стараться избегать всего, что он может взять на свой счет. Дурно бы было смеяться над человеком, без которого мы бы, может быть, еще писали варварским слогом Елагина и Сумарокова⁹. Но, может быть, я становлюсь смешон с своими планами и для того не стану говорить о других, ожидая, что ты скажешь об этом. Если – чего я едва смею надеяться – он полюбит тебе, то я сообщу тебе, написав, третье действие <...>. Прости мне, любезный друг, мою беспрепятственную сомнительность; она, право, врожденная, и я ей рад оттого только, что она уменьшает самолюбие; по крайней мере обо мне нельзя будет сказать: *L'ignorance toujours est prête à s'admirer*¹⁰» [9. Л. 38]. Ответа Жуковского Блудов ожидал, по-видимому, с нетерпением, о чем можно судить по письму его от 10–12 февраля 1803 г., где он сделал приписку: «Скажи мне что-нибудь о моем “Чувствительном”» [9. Л. 18 об.]. Ответное письмо Жуковского, к сожалению, не сохранилось.

Итак, из писем Блудова начала 1803 г. становятся известны, что важно, название задуманной им пьесы («Чувствительный»), а также авторская характеристика ее замысла. Письма позволяют датировать работу семнадцатилетнего автора над замыслом «Чувствительного» концом 1802 г. Впрочем, и без писем Блудова план комедии представлял «зацепку» для его датировки – это оставленное исследователями без комментария имя Зервельт, которое автор дал одному из своих героев, ориентируясь на только что появившуюся модную книжку. Зервельтом был наречен персонаж книги В.В. Измайлова (1773–1830) «Путешествие в полуденную Россию», вышедшей отдельным (полным) изданием в Москве в 1802 г. [об этом произведении см.: 17–19]. История любви Зервельта, закончившего с собой из-за невозможности соединить судьбу со своей возлюбленной, рассказывается на крымских страницах этой книги. Его избранница выведена в ней под именем София как дочь академика П.-С. Палласа (1741–1811), знаменитого ученого.

И само имя одного из героев, и характеристика замысла, очерченная Блудовым в письме к Жуковскому, говорит об актуальности проблематики сентиментального «Путешествия...» Измайлова. Появление этой книги, в особенности же в связи со следующим изданием, вышедшим в 1805 г., сопровождалось полемикой, затрагивавшей вопросы не только литературные, но и сословно-нравственные [см.: 18. С. 154–

184]. История Зервельта и Софии повествовала об отношениях «добродетельных любовников», которые после «тайных объятий» и «невиннейшего наслаждения» устремились к получению родительского благословения, обернувшегося, однако, для них повелением «навек расстаться». Причину его Измайлов поясняет словами «предубеждение против рода», относящимися к молодому человеку [20. Ч. 2. С. 208–209]. Зервельт решается на крайнее средство при тайной встрече с Софией: «Жизнь или смерть! будь моею, несмотря на родителей, или завтра не будет меня на свете! – Красавица бросается в его объятия <...> цель пламенных желаний приближается – как вдруг энтузиазм добродетели заставляет любовницу вырваться из объятий любовника. – Нет, я не хочу огорчать моих родителей, не хочу бежать; лучше будем навек несчастливы» [20. Ч. 2. С. 210]. После этого Зервельт закаляется «татарским кинжалом». Стихи в честь «русского Зервельта», т.е. Вертера, помещены Измайловым в третью часть «Путешествия в полуденную Россию» [20. Ч. 3. С. 202–203].

Комедия Блудова о «чувствительном» Василии, присвоившем себе имя в честь героя новой книги, задумывалась как ответ на распространяющуюся в русском обществе моду на сентиментальность¹¹. Комедийный Зервельт влюблен в Княжну, и критика его действий, по-видимому, была связана с тем опытом жизни в светском обществе, которым уже располагал молодой Блудов, влюбившийся в княжну А.А. Щербатову, свою будущую жену, в 1801 г. и пронесший это чувство в чистоте и преданности до 1812 г., когда она, наконец, стала его женой. Как видно из написанного им плана комедии, Блудов был возмущен приемами ухаживания Зервельта за Княжной, поскольку они расходились с обычаем, принятым в русском обществе.

Зервельту противостоит Граф, приехавший в Москву и встречающий там Князя, в дочь которого он был влюблен: «Граф узнает, что Княжна N, которую он знал прекрасною, искреннею, живою и добросердечною девушкою, переменилась <...> Сие беспокоило его потому, что он есть враг ложной чувствительности, слезливости, которая, к несчастью, говорит он, заразила не одних авторов. Он умножает свои вопросы, и наконец отец <...> открывает ему, что дочь его влюблена в молодого автора, разумеется, чувствительного, которого прежде называли Васильем, но который ныне хочет быть Зервельтом». В доме Князя Граф, наблюдая за княжной, «с прискорбием узнает ее сентиментальность из разговоров», хотя она и «стыдится при нем своей перемены, за сче<t> оставшегося разума; но восклицания Зервельта прельстили ее, и она не знает, что делать» [12. С. 289–290; 10. Л. 1–1 об.]. Княжна когда-то была влюблена в Графа, но ее смущает, что «он ни слова не говорит никогда о любви, ни о чувствительности, которую Зервельт наполнен» [12. С. 290; 10. Л. 2].

Большие усилия начинающий комедиограф прилагает к разоблачению «чувствительного» Зервельта. Вот сцена признания, когда он на коленях, «говоря о

сердечных симпатиях, открывает ей свою страсть». Княжна закрывается платком, прося его встать, и слышит в ответ: «Я умру у ваших ног <...> Улыбнитесь, говорит, запечатлейте улыбкою и слезою счастье нравственного человека, который не может жить без взгляда Гомера, без чувства Стерна и без вас» [12. 290–291; 10. Л. 2] – ср. в «Путешествии...» Измайлова о «нравственности, которая хочет жить только в том мире, где улыбка природы, взгляд Гомера и чувство Стерна открывают новую сферу жизни и наслаждения» [20. Ч. 1. С. 206].

Далее следует диалог, восходящий к последней сцене Зервельта и Софии из «Путешествия...» Измайлова:

«– Соединимся узами вечной любви и нежности, оставим холодный мир сей, сокроемся...

– Как! а батюшка и матушка, – восклицает Княжна.

– Что нужды, любовь всего святее...

– Нет, я не могу.

– Неужели я не достоин жертвы сей, сколь приятно будет нам, утопая в океане нежности, при свете влюбленной луны и потом...

– Нет, – перерывает Княжна, и Граф входит сказать, что ее ожидают к обеду» [12. С. 291; 10. Л. 2].

К концу первого действия определяется проблемный узел комедии – это столкновение двух поведенческих моделей, с одной стороны, светского человека, с другой, литератора-сентименталиста. Первый является воплощением благородства, чести и мужества, укорененных в устоявшейся дворянской традиции, второй – своекорыстия, подкрепляемого бесстыдной светностью и модными литературными фразами. Причем Зервельт уже осознает, что Граф становится препятствием на пути осуществления им «романического плана», связанного с женитьбой на княжне, и это вызывает в нем «всечувствительный гнев <...> на светских людей» [12. С. 291; 10. Л. 2 об.].

Комедиограф подвергает осмеянию самую влюбленность «чувствительного» Зервельта. Оказывается, глубина его чувств измеряется только соответствием литературному шаблону, поэтому он глубоко удручен тем, что у Княжны глаза не черные, как «у Вертеровой Шарлотты» (имеется в виду героиня романа «Страдания юного Вертера» (1774) И.-В. Гете) [12. С. 291; 10. Л. 2 об.]. Зервельт уверен в любви Княжны, поскольку она, конечно же, не сможет устоять перед потоком его слов. Граф, понимая, что перед ним соперник, вступает с Зервельтом в словесную дуэль:

«– Я вас оставлю, но позвольте мне спросить, отчего вы меня избегаете.

– Нравственный человек не может жить с людьми, которые живут для общества.

– Итак, нравственный человек есть человек дикий, который не может жить в обществе.

– Нет... <...> Он есть человек в высочайшем смысле сего слова, он в системе всемирной гармонии довершает свое творение, которое до сих пор остается предметом спора между апостолов науки и врагов просвещения, между <последователями> Жан-Жака и

его антагонистами, между верующими совершенно уму и неверующими.

– Это должно быть очень хорошо, но разве это мешает жить с людьми?

– Он *гнушается простым общежитием*, он любит только умственную роскошь, которая требует в разговоре тонких чувств и живых идей, философии и приятности, аттической соли и эпиграмматического ума, которая хочет заниматься Природою, стихами, мечтами и всеми благородными страстями нравственности.

– Государь мой, я не скажу вам, что иные гнушаются общежитием, оттого что они там смешны с своими восклицаниями, совсем не роскошными, [и потому что они даже боятся светских] людей; желаю только, чтобы вы узнали этот свет, который вы так браните. <...>

– Свет скверен, я не хочу его знать, и к чему мне в нем учиться; там только смеются и шутят, а *мы* умеем любить. Кто из светских может боготворить, как я боготворю Княжну, кто пожертвует своею кровию, как я готов за нее пожертвовать? Горе тому, кто осмелится стать моим соперником...

– Я люблю ее <...> Итак, горе мне, я должен погибнуть от руки вашей.

– Государь мой... пусть Княжна решает.

– Нет, сударь, знайте, что светские гнусные люди не говорят девушкам о любви в глаза, что они не объявляют любовь свою незнакомым, что они умеют защищать <ее> в случае нужды» [12. С. 291–292; 10. Л. 3–3 об.].

Диалог содержит прозрачную отсылку к одному из мест «Путешествия...» Измайлова, где характеризуется особость людей «чувствительных», пребывающих вдали от светского общества: «Общежитие обработало умы, но не довело их еще, так сказать, до умственной роскоши, которая требует в разговоре тонких чувств и живых идей, философии и приятности, аттической соли и эпиграмматического ума; которая хочет заниматься изящным, наслаждаться природою, книгами, мечтами и всеми благородными страстями нравственности...» [20. Ч. 1. С. 206]. Диалог содержит и урок Зервельту из уст Графа, касающийся обычая благоустроенных дворянских семейств, в которых предварительный разговор претендента на руку девушки с ее родителями становился своего рода разрешением на объяснение с ней (при условии, если они были озабочены счастьем дочери). Блудов, по видимому, не знал о любовных коллизиях некоторых из своих друзей, которые выходили за пределы этого обычая уже в то время.

Граф в комедии Блудова поставлен в положение носителя высшего благородства как своих намерений, так и действий. После его ухода Княжна и Зервельт, предоставленные размышлениям «а part» (в сторону, *лат.*), обнаруживают слабые стороны своих характеров. Она оценивает действия Графа словами: «Зервельт меня обожает, а Граф оставляет для дел <...> Итак, я уверилась, что он меня не любит...». Зервельт же просто подозревает ее в низости («Ну! если она меня подслушивала!»), убедившись же в нечаянности ее прихода, продолжает свои излияния: «...я летел к

ногам вашим, чтоб разрушить ваши сомнения, чтобы получить согласие ваших родителей...». Застигнутый Князем и Княгиней у ног дочери, «он от Княжны ползет на коленях к ним, объявляет свои желания со всеми украшениями чувствительности». Разрешение этой ситуации выглядит комично, поскольку согласия он достигает не сведениями о своей состоятельности (что было бы обычным для так называемого сговора, ведущего к свадьбе), а сообщением о своей любви и о «последнем сочинении», которое «скоро будет известно государю», поскольку оно «наполнено глубокими замечаниями для России». Руки же Княжны и Зервельта соединяются родителями с возгласом «браво!» после того, как он объявляет им: «И на будущий год я стану издавать журнал». Далее в автографе следует схематичное окончание второго действия, в котором угадывается финал комедии: фиаско искательного Зервельта, торжество благородного Графа и счастье простодушной Княжны [12. С. 292–294; 10. Л. 4 об.–6].

«Чувствительный» Блудова писался тремя годами ранее появившейся на русской сцене в 1805 г. и имевшей большой успех антисентименталистской комедии князя А.А. Шаховского «Новый Стерн». Связь этих произведений представлялась, на первый взгляд, настолько очевидной, что датировка комедии Блудова в работах М.Л. Майофис опиралась именно на 1805 г. с предположением, что для «Чувствительного» «Новый Стерн» был или источником или же создавался одновременно с ним [12. С. 168–170]. Комедия Шаховского, подобно замыслу Блудова, как он отражен в письме к Жуковскому, не задевала лично Н.М. Карамзина, поскольку в том и другом случае для пародирования на сцене поведения сентиментального героя использовались в качестве образцов сочинения других авторов. Исследователями и комментаторами отмечались множественные образно-стилистические переклички излияний графа Пронского, героя «Нового Стерна», с произведениями В.В. Измайлова и П.И. Шаликова [см.: 22. С. 12–16; 23. С. 223–224; 24. С. 25–34]. Журнальная дискуссия, разгоревшаяся вокруг «Нового Стерна», касалась, однако, не только модных литературных тем, но и важных сословно-нравственных проблем, трактованных защитниками сентиментализма в руссоистском духе. Отстаивая правоту графа Пронского в намерении жениться на крестьянке, апологет сентиментализма утверждал, что «человек чувствительный не властен в чувствах своих», тут же делая выпад против людей, живущих в светском «рассеянии» и полагающих цель жизни в «искании» (несомненно, чинов и денег): «...такие люди не любят ни женщин, ни животных, самая природа мертва для них, ибо они любят только себя» [25. С. 199–200]. Те критики, которые отстаивали достоинство сатиры Шаховского, отвечали с позиций, весьма близких Блудову в пору его работы над «Чувствительным». Острые критики сентименталистских ценностей было обращено против той «смелой философии, которая забавляется несчастьем благородных семейств и называет оное игрою благодетельной (т.е. чувствительной. – С.Б.) природы» [26. С. 121].

Блудов намеревался показать в своей комедии, как «чувствительность» уродует жизнь дворянского дома. Ближе к нему и сомнение в истинности сей «чувствительности», которое, вслед за выступлениями полемистов 1800-х гг., становилось все более и более распространенным (один из анонимных авторов полемики вокруг «Нового Стерна» называл ее, как и Блудов, просто «слезливостью» [см.: 26. С. 117–118]). Существенным, однако, представляется различие позиций Блудова и Шаховского в их стремлении развенчать на театральной сцене тип «чувствительного». Зервельт, в отличие от «нового Стерна», преуспевает в светском обществе, поскольку его излияния волнуют и молодую княжну, и ее родителей, радующихся модной новизне отношений в их доме. Блудов стилизует звучащие из уст Зервельта высказывания на философско-нравственные темы, которые, впрочем, отражают более широкий, нежели чисто сентименталистский, круг понятий и образов: «счастье нравственного человека», «благородные страсти нравственности» – ср. в книге Измайлова: «...любовь к изящной нравственности...» [20. Ч. 1. С. 138], «узы вечной любви и нежности» – ср. в повести «Юлия» (1796) Карамзина: «Только в одной сельской тишине, в одних объятиях природы чувствительная душа может насладиться всею полнотою любви и нежности!» [27. С. 155], в «Письмах русского путешественника» (1791–1801): «Французы думают ныне о своей революции, а не о памятниках любви и нежности!» [28. С. 208], та же «любовь и нежность» присутствует и в повести Измайлова «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор», напечатанной в 1804 г. в «Вестнике Европы»; «Жан-Жак и его антагонисты» – обращение к памяти Руссо с названием лишь его имени характерно как для произведений Карамзина («Письма русского путешественника», «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1793), «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802), «Чувствительный и холодный» (1803) и др.), так и Измайлова (например, в повести «Молодой философ», 1803), выражавшего свою любовь к нему самым пылким образом: «Мирное счастье не дороже ли в самом деле заботы о славе? Не счастливее ли тот, кто может довольствоваться светлою хижинкою, ключевою водою, улыбкою красавицы и природы?» и след. [20. Ч. 1. С. 186]); «человек в высочайшем смысле сего слова», «всемирная гармония», «апостолы науки и враги просвещения», «умственная роскошь», «тонкие чувства», «живые идеи», и т.п.

То, что Зервельт был близок к осуществлению своей цели – женитьбе на княжне, показывает принципиально иного, нежели в комедии Шаховского, героя, который был представлен в образе жалкого чудака и неудачника. Для Блудова это уже узнаваемый представитель образованного общества, по-своему укоренившийся в нем. Именно поэтому слово «чувствительный» субстантивировалось и стало употребляться в отношении определенного типа людей. Это было использовано Карамзиным и в «Мыслях об уединении» (напечатано за подписью «П. Ф.» в № 11 (июнь) «Вестника Европы» за 1802 г.; неизвестно, знал ли Блудов об авторе этого произведе-

ния, отразившегося в рассуждениях Графа о пользе светского общения, – см.: [12. С. 167]), и в повести «Холодный и чувствительный» (1803).

Замысел Блудова не может быть понят без учета отношения к Карамзину членов Дружеского литературного общества, собиравшегося в Москве в 1801 г. Это был круг выпускников Университетского благородного пансиона, в который Блудов не входил, но, как это видно из его писем к Жуковскому 1802 г., приятельски был близок со всеми его членами. Нараставшая оппозиция тому направлению в русской литературе, которое А.С. Кайсаров, самый яркий его критик, называл «пустым карамзинизмом» [29. С. 15, см. также: С. 72, 76–79, 81 и др.], поддерживалась выступлениями и других членов общества, таких как Андрей Тургенев, А.Ф. Мерзляков, А.Ф. Воейков [об этой стороне деятельности Дружеского литературного общества см.: 30. С. 147–148; 31. С. 18–76; 32. С. 354–357]. Впервые, что важно, в круг критиков Карамзина попадает молодой Блудов, которого Н.И. Греч характеризовал как «самого иступленного карамзиниста» [33. С. 494–495]. «И в литературной, и в более общей духовной области участники Дружеского литературного общества, – пишет В.Э. Вацура, – ощущали себя как единство, противопоставленное не только “карамзинистам”, но во многом и самому Карамзину. П.И. Шаликов, В.В. Измайлов для них – образцы “ложной чувствительности”» [34. С. 23; см. также: С. 20–36 (с литературой по этой теме)].

Блудов в это время не был знаком с Карамзиным, но очень интересовался им. 1 февраля 1804 г. он писал Жуковскому: «Что подельывает г. Карамзин? Правда ли, что он пишет историю России? Правда ли, что он снова женился? С нетерпением жду последний номер его журнала...» [9. Л. 21 об.]. Карамзин был пожалован в историографы императорским указом 31 октября 1803 г., и это событие могло напомнить Блудову о гере некогда начатой им комедии, который, претендуя на руку Княжны, с гордостью говорил ее родителям о своих «глубоких замечаниях для России» и скором знакомстве с ними государя. Тон же вопрошения Блудова о свадьбе намекал, как нам представляется, на пародийное «Описание бракосочетания господина К<арамзина>» А.С. Кайсарова, созданное в пору Дружеского литературного общества: это была «вольная юмористическая персифляция церковного обряда бракосочетания, написанная литературным тоном нежно-чувствительного настроения, в котором, однако, чувствуется ирония, дерзновенное осмеяние сентиментального карамзинского стиля» [30. С. 150].

Письмо от 1 февраля 1804 г. было важной вехой в истории взаимоотношений Блудова с Жуковским, поскольку оно свидетельствовало об окончании их размолвки. Она была вызвана тем, что Блудов не отправил ему из Петербурга письма с сообщением о смерти Андрея Тургенева, скончавшегося 8 июля 1803 г. на квартире, где они в это время проживали совместно (этот факт стал известен только благодаря знакомству с письмами Блудова к Жуковскому). Отвечая на упреки, прозвучавшие в письме Жуковского от 7 ноября 1803 г.¹², Блудов признал свою вину,

написав о себе, что он «жалок» [9. Л. 12 об.]. В ответ Жуковский призвал Блудова в письме от 21 января 1804 г. чаще посещать могилу Тургенева: «Нужно ненавидеть сентиментальность, но нужно питать свою чувствительность, потому что без нее мир, даже жизнь, есть лишь небытие» [13. Т. 15. С. 21]. Поскольку его письмо к Блудову о «Чувствительном» не сохранилось, можно считать это высказывание Жуковского отголоском того, что было им высказано в связи с задуманной комедией. Можно не сомневаться, что замысел «Чувствительного» он не одобрил.

Вскоре в жизни Блудова произошло событие, оставившее неизгладимое впечатление: он познакомился с Карамзиным. Е.П. Ковалевский относил его к 1805 г.: «Дмитрий Николаевич любил вспоминать об этом первом знакомстве, прибавляя, что ни прежде, ни после того ни одна личность не произвела на него такого глубокого впечатления <...> Он воротился домой очарованный беседою ученого историографа, столько же как и его простым открытым обхождением, и некоторое время находился в каком-то лихорадочном состоянии. С тех пор Дмитрий Николаевич искал уже встречи с Карамзиным; он бывал у него всякий раз, как приезжал в Москву...» [8. С. 40]. В современной работе сделано к сообщению Ковалевского, как нам представляется, верное уточнение, причем в опоре на вновь обнаруженные воспоминания К.С. Сербиновича (1796–1874), близко знавшего Блудова: знакомство произошло в 1804 г. [35. С. 43–45]. Сопоставление с разного рода эпистолярно-биографическими материалами позволяет заключить, что знакомство могло произойти только осенью 1804 г. во время приезда в Москву Жуковского, который и был, судя по письмам Блудова, посредником в этом знакомстве (в следующем году, что важно, их пути в Москве не пересекались).

О волнениях, связанных с первым визитом к Карамзину, свидетельствует недатированное письмо Блудова к Жуковскому, которое мы относим к началу ноября 1804 г. (в это время Блудов приезжал в Москву в связи с болезнью матери): «Нет, любезный друг, боюсь быть нескромным и лучше хочу лишиться приятного знакомства, нежели кому-нибудь доставить знакомство скучное. Если б Карамзин жил один так, как Дмитриев, тогда бы в самом деле моя привязанность к его сочинениям дала мне право к нему приехать, но *Ка<терина> Ан<дреевна>* и *князь* не должны страдать за чужую славу. Если, однако ж, ты сегодня без всякой аффектации найдешь случай выпросить у нее позволения для меня, то чувствительно одолжишь своего друга» [9. Л. 44, 45]. В письме упоминаются следующие лица: не обремененный семьей поэт Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), вторая жена Николая Михайловича Екатерина Андреевна Карамзина (1780–1851) и ее отец (она была его побочной дочерью) князь Андрей Иванович Вяземский (1754–1807), который в это время был уже вдовцом (в противном случае церемонный Блудов помянул бы еще и *княгиню*). К этому же времени относится и другая недатированная записка Блудова, в которой присутствуют реалии, позволяющие с уверенностью от-

нести ее к концу ноября 1804 г.: «...скажи, в котором часу мы должны ехать к Карамзину» [9. Л. 43].

Замысел комедии Блудова «Чувствительный» имел ряд достоинств, который мог обеспечить ей успех у зрителей. Более того, работа над ней свидетельствовала о хорошем чутье молодого автора, подвигавшего его к свежей и актуальной для русской сцены проблематике. Замысел Блудова, что удивительно, значительно опережал антисентименталист-

скую комедию Шаховского, весьма восприимчивого ко всему, что сулило театральный успех. Можно не сомневаться, что работу Блудова над комедией «Чувствительный» остановил в 1803 г. именно Жуковский. Он не мог отнестись благосклонно к замыслу, задевавшему литературное направление, которому дал свое имя Карамзин. Думается, после знакомства с Карамзиным Блудов оценил позицию Жуковского в решении участи начатой им комедии.

Примечания

- ¹ Рискую показаться смешным, страшно хочу стать сочинителем (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
- ² Характеристику «дурной автор» Блудов относил, по-видимому, к немногочисленным ранним стихотворениям В.А. Озерова. В начале 1803 г., когда он упомянул об Озерове в письме к Жуковскому, его первая трагедия «Эдип в Афинах» еще только готовилась к постановке в Петербурге.
- ³ торопит меня ее поставить (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
- ⁴ Речь идет об Иване Афанасьевиче Дмитриевском (1736–1821), петербургском актере, переводчике, педагоге и драматурге, пользовавшемся большим авторитетом у авторов сочинений для театра [см. о нем: 14; 15].
- ⁵ также торопа меня (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
- ⁶ рискуя тебе наскучить (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
- ⁷ Петр Александрович Рахманов (1779–1813), музыкант-любитель, математик, с 1808 г. член Ученого комитета по артиллерийской части, в 1810–1813 гг. издатель «Военного журнала», в 1813 г. полковник л.-гв. Преображенского полка. В начале 1800-х гг. Рахманов, офицер пионерного полка, входил в круг московских знакомых Жуковского.
- ⁸ во избежание всякого применения (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
- ⁹ Блудов упоминает И.П. Елагина (1725–1793) и А.П. Сумарокова (1717–1777) как литераторов чрезвычайно плодотворных, но при этом отличавшихся особой грубостью устаревшего языка. Ту же литературную репутацию Елагина использовал Пушкин в эпиграмме 1825 г. «Литературное известие» [16].
- ¹⁰ Невежество всегда готово восхищаться собой (*фр.*) (пер. Н.Л. Дмитриевой) – цитата из «Поэтического искусства» (1669–1674) Н. Буало (Voileau, 1636–1711), песнь I.
- ¹¹ Об истории пародирования русскими литераторами разножанровых сентименталистских текстов см.: [21].
- ¹² «Ты поступил плохо по отношению ко мне, мой дорогой Блудов, – писал Жуковский. – Ты проявил невнимательность при важнейшем обстоятельстве» [13. Т. 15. С. 19 (подл. по-фр.)].

Список источников

1. Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: Индрик, 2006. 340 с.
2. Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М.: Институт российской истории, 2009. 340 с.
3. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициативы, 2015. 357 с.
4. Ружицкая И.В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициативы, 2018. 310 с.
5. «Арзамас»: сборник в 2 кн. / [сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацура и др.]. М.: Худож. лит., 1994.
6. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 799 с.
7. Песков А.М. Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 283–284.
8. Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб.: Тип. Второго отделения с. е. и. в. Канцелярии, 1866. 259 с.
9. Блудов Д.Н. Письма к В.А. Жуковскому (29). 1802–1817 // Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ). № 21823. 49 л.
10. Блудов Д.Н. [«Чувствительный». Комедия. Действия 1-2] // РО ИРЛИ. № 21856. 6 л.
11. Рогов К.Ю. Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 275 с.
12. Майофис М.Л. Консервативное крыло общества «Арзамас»: Литературная и общественно-политическая позиция С.С. Уварова, Д.Н. Блудова, Д.В. Дашкова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 328 с.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999–2019. Т. 1–16.
14. Всеволодский-Гернгросс В.Н. И.А. Дмитриевский: Очерк истории русского театра. Берлин: Петрополис, 1923. 291 с.
15. Кукушкина Е.Д., Старикова Л.М. Дмитриевский Иван Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1. С. 266–268.
16. Березкина С.В., Карпов Н.А. [Примеч. к стих. «Литературное известие»] // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 2019. Т. 3, кн. 1. С. 695–696.
17. Лобанова Л.П. Измайлов Владимир Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая рос. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 408–409.
18. Соловьев А.Ю. «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 291 с.
19. Соловьев А.Ю. Поиск счастья «русским путешественником» (сентиментальный сюжет «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова) // Русская литература. 2011. № 3. С. 139–147.
20. [Измайлов В.В.] Путешествие в полуденную Россию / В письмах, изданных Владимиром Измайловым: [В 4 ч.] М.: Университетская типография, 1802.
21. Соловьев А.Ю. Неизвестное произведение А.С. Хвостова // Русская литература. 2010. № 3. С. 73–86.
22. Гозенпуд А.А. А.А. Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.А. Гозенпуда. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 5–72. (Библ. поэта. Большая сер.).
23. Стенник Ю.В. Комедия 1800–1820-х годов // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 221–238.

24. Иванов Д.А. Творчество А.А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Tartu, 2009. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis tartuensis, 24). 224 с.
25. Письмо к защитнику «Нового Стерна», в ответ на письмо его, напечатанное в IX книжке «Северного вестника» // Журнал российской словесности. 1805. Ч. 3, № 12. С. 191–205.
26. Письмо к сочинителю критики, напечатанной в «Журнале российской словесности» в июле месяце // Северный вестник. 1805. Ч. 8, № 11. С. 105–123.
27. Русская sentimentalная повесть / сост., вступ. ст. и ком. П.А. Орлова. М. : Изд-во МГУ, 1979. 336 с.
28. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман и др. Л. : Наука, 1984. 717 с.
29. Архив братьев Тургеневых. СПб. : Отд-ние рус. языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804) и письма его к А. С. Кайсарову и друзьям в Геттинген 1805–1811 гг. / введение и примеч. В.М. Истрина. 527 с.
30. Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. СПб. : Сенат. тип., 1906. Вып. 1. 362 с.
31. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. (Tartu riikliku ülikooli toimetised = Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 63). 190 с.
32. Вацуру В.Э., Виролоainen М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 350–431.
33. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л. : Academia, 1930. 896 с.
34. Вацуру В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб. : Наука, 1994. 240 с.
35. Беспалова Е.К. «Прямой наследник Н.М. Карамзина» Дмитрий Николаевич Блудов // Карамзинский сборник. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте русской и мировой культуры. К 200-летию выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского»: сб материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2019. С. 39–63.

References

1. Dolgikh, E.V. (2006) *K probleme mentaliteta rossijskoi administrativnoi elity pervoi poloviny XIX veka: M.A. Korf, D.N. Bludov* [On the problem of the mentality of the Russian administrative elite of the first half of the 19th century: M.A. Korf, D.N. Bludov]. Moscow: Indrik.
2. Ruzhitskaya, I.V. (2009) *Prosveshchennaya byurokratiya (1800–1860-e gg.)* [Enlightened bureaucracy (1800s–1860s)]. Moscow: Institut rossijskoi istorii.
3. Ruzhitskaya, I.V. (2015) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [Legislative activity during the reign of Emperor Nicholas I]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnoi initsiativy.
4. Ruzhitskaya, I.V. (2018) *Gosudarstvennyy Sovet pri Nikolae I: osobennosti funktsionirovaniya* [The State Council under Nicholas I: features of functioning]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnoy initsiativy.
5. Vatsuro, V.E. & Ospovat, A.L. (eds) (1994) *“Arzamas”*. *Sbornik: v 2 kn.* [“Arzamas”. Collection: in 2 books]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo “Arzamas” i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov* [Appeal to Europe: The literary society “Arzamas” and the Russian modernization project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Peskov, A.M. (1989) Bludov Dmitriy Nikolaevich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 283–284.
8. Kovalevskiy, E.P. (1866) *Graf Bludov i ego vremena: (Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I)* [Count Bludov and his time: (Reign of Emperor Alexander I)]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya.
9. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). File 21823. Bludov, D.N. (1802–1817) *Pis'ma k V.A. Zhukovskomu (29)* [Letters to V.A. Zhukovsky (29)].
10. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). File 21856. Bludov, D.N. *“Chuvstvitel'nyy”. Komediya. Deistviya 1–2* [“The Sensitive”. Comedy. Acts 1–2].
11. Rogov, K.Yu. (1992) *Ideya 'komedii nravov' v nachale XIX veka v Rossii* [The idea of a ‘comedy of manners’ at the beginning of the XIX century in Russia]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Mayofis, M.L. (2002) *Konservativnoe krylo obshchestva “Arzamas”: Literaturnaya i obshchestvenno-politicheskaya pozitsiya S.S. Uvarova, D.N. Bludova, D.V. Dashkova* [The conservative wing of the Arzamas Society: The literary and socio-political position of S.S. Uvarov, D.N. Bludov, D.V. Dashkov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Zhukovsky, V.A. (1999–present) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vols 1–16. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Vsevolodskiy-Gerngross, V.N. (1923) *I.A. Dmitrevskii: Ocherk istorii russkogo teatra* [I.A. Dmitrevsky: An essay on the history of the Russian Theater]. Berlin: Petropolis.
15. Kukushkina, E.D. & Starikova, L.M. (1988) Dmitrevskiy Ivan Afanas'evich [Ivan Afanasievich Dmitrevskiy]. In: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 266–268.
16. Berezkina, S.V. & Karpov, N.A. (2019) Primechanie k stikhotvoreniyu “Literaturnoe izvestie” [Note to the poem “Literary News”]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vol. 3 (1). St. Petersburg: Nauka. pp. 695–696.
17. Lobanova, L.P. (1992) Izmailov Vladimir Vasil'evich [Vladimir Vasilievich Izmailov]. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. A biographic dictionary]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. pp. 408–409.
18. Solov'ev, A.Yu. (2011) *“Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu” V.V. Izmailova v kontekste russkoy literatury puteshestvii kontsa XVIII – XIX vekov* [A Journey to Midday Russia by V.V. Izmailov in the context of Russian travel literature of the late 18th and 19th centuries]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
19. Solov'ev, A.Yu. (2011) Poisk schast'ya “russkim puteshestvennikom” (sentimental'nyy syuzhet “Puteshestviya v poludennuyu Rossiyu” V.V. Izmailova) [The search for happiness by a “Russian traveler” (sentimental plot of A Journey to Midday Russia by V.V. Izmailov)]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 139–147.
20. Izmailov, V.V. (1802) *Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu: V pis'makh, izdannykh Vladimirom Izmailovym* [A Journey to Midday Russia: In letters published by Vladimir Izmailov]. Vols 1–4. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
21. Solov'ev, A.Yu. (2010) *Neizvestnoe proizvedenie A.S. Khvostova* [An unknown work by A.S. Khvostov]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 73–86.
22. Gozenpud, A.A. (1961) A.A. Shakhovskoy. In: Shakhovskoy, A.A. *Komedii. Stikhotvoreniya* [Comedies. Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. pp. 5–72.
23. Stennik, Yu.V. (1982) Komediya 1800–1820-kh godov [Comedy of the 1800s–1820s]. In: *Istoriya russkoy dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka* [The history of Russian drama. 18th – first half of the 19th centuries]. Leningrad: Nauka. pp. 221–238.
24. Ivanov, D.A. (2009) *Tvorchestvo A.A. Shakhovskogo-komediografa: teoriya i praktika natsional'nogo teatra* [Works of A.A. Shakhovskoy the comedigrapher: theory and practice of the National Theater]. Tartu. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis tartuensis, 24).
25. *Zhurnal rossijskoy slovesnosti*. (1805) Pis'mo k zashchitniku “Novogo Sterna”, v otvet na pis'mo ego, napechatannoe v IX knizhke “Severnogo vestnika” [A letter to the defender of “The New Sterne”, in response to his letter, printed in the IX book of Severnyy Vestnik]. 12. pp. 191–205.

26. *Severnyy Vestnik*. (1805) Pis'mo k sochinitelyu kritiki, napechatannoi v "Zhurnale rossiiskoj slovesnosti" v iyule mesyatsе [A letter to the writer of criticism published in the Zhurnal Rossiyskoy Slovesnosti in July]. 11. pp. 105–123.
27. Orlov, P.A. (ed.) (1979) *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian sentimental story]. Moscow: Moscow State University.
28. Lotman, Yu.M. (ed.) (1984) Karamzin, N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka.
29. Istrin, V.M. (1911) *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev brothers]. Vol. 2. Saint Petersburg: Department of Russian Language and Literature, RAS.
30. Rezanov, V.I. (1906) *Iz razyskaniy o sochineniyakh V.A. Zhukovskogo* [From the research on the works of V.A. Zhukovsky]. Vol. 1. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya.
31. Lotman, Yu.M. (1958) Andrey Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni [Andrei Sergeevich Kaisarov and the literary and social struggle of his time]. *Tartu riikliku ülikooli toimetised = Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 63.
32. Vatsuro, V.E. & Virolainen, M.N. (1987) Pis'ma Andreyа Turgeneva k Zhukovskomu [Letters of Andrey Turgenev to Zhukovsky]. In: *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka. pp. 350–431.
33. Grech, N.I. (1930) *Zapiski o moyey zhizni* [Notes about my life]. Moscow, Leningrad: Akademiya.
34. Vatsuro, V.E. (1994) *Lirika pushkinskoy pory: "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of Pushkin's time: "The Elegiac School"]. Saint Petersburg: Nauka.
35. Bespalova, E.K. (2019) [Dmitry Nikolaevich Bludov, "the direct heir of N.M. Karamzin"]. *Karamzinskiy sbornik. "Istoriya gosudarstva Rossiiskogo" N.M. Karamzina v kontekste russkoi i mirovoi kul'tury. K 200-letiyu vykhoda v svet pervykh vos'mi tomov "Istorii gosudarstva Rossiiskogo"*: [Karamzin collection. The History of the Russian State by N.M. Karamzin in the context of Russian and world culture. To the 200th anniversary of the publication of the first eight volumes of the History of the Russian State]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulyanovsk. pp. 39–63. (In Russian).

Информация об авторе:

Березкина С.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: s.berezkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Berezkina, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: s.berezkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.*

*The article was submitted 02.04.2022;
approved after reviewing 12.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.*